

В. М. АЛПАТОВ

ЯЗЫКОВЕДЫ,
ВОСТОКОВЕДЫ,
ИСТОРИКИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2012

УДК 80/81
ББК 81.2
А 45

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 11-04-16010

Алпатов В. М.

А 45 Языковеды, востоковеды, историки. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 376 с.

ISBN 978-5-9551-0515-4

Предлагаемая читателю книга включает в себя ряд биографических очерков, посвященных отечественным ученым — гуманитариям XX в., прежде всего, языковедам и востоковедам. Автор книги, который уже много лет занимается историей науки, стремился совместить в своих очерках историю идей и историю людей, рассказ о научных концепциях, биографический анализ и в некоторых случаях элементы мемуаров. В книге рассказывается и о развитии ряда научных дисциплин в течение последнего столетия, и об особенностях личности ученых, выдвигавших те или иные идеи и концепции, и о влиянии на судьбу и деятельность этих ученых сложного и интересного времени их жизни. Рассматриваются малоизвестные факты истории нашей науки XX в., вводятся в научный оборот некоторые новые сведения, в том числе архивные, делается попытка отойти от старых и новых стереотипов в оценках многих исторических событий.

ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0515-4

© Алпатов В. М. 2012
© Языки славянских культур, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГРОМОВЕРЖЕЦ. Н. Я. Марр.....	9
ЧЕЛОВЕК-СЛОВАРЬ. Д. Н. Ушаков.....	31
«НИКУДА НЕ ГОДНЫЙ ЗАГОВОРЩИК». Н. Н. Дурново.....	39
КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН. А. М. Селищев.....	59
МЕТЕОР. Е. Д. Поливанов	71
ТРУДНОЕ ПЛАВАНИЕ ПО ТЕЧЕНИЮ. Н. И. Конрад.....	95
«КОЛОССАЛЬНЫЙ ПРОДУКТОР». Н. А. Невский	121
ДВАЖДЫ УМЕРШИЙ. Н. Ф. Яковлев	137
ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Р. О. Шор	159
ГРУСТНАЯ СУДЬБА. В. Н. Волошинов	175
ПЕТР САВВИЧ. П. С. Кузнецов.....	193
ЧЕЛОВЕК-СТОЛЕТИЕ. В. И. Абаев	209
В ТРЕХ ЗЕРКАЛАХ. М. Ю. Юлдашев	221
ВЫДВИЖЕНЕЦ. Т. П. Ломтев	229
МУДРЫЙ ДИРЕКТОР. Б. Г. Гафуров.....	249
МЕМУАРИСТКА. К. А. Антонова.....	257
ЭТОТ БЕСКОМПРОМИССНЫЙ СЫРОМЯТНИКОВ. Н. А. Сыромятников	267
ЛЕКТОР И ДИРЕКТОР. М. С. Капица.....	281
НЕСТАНДАРТНЫЙ ЧЕЛОВЕК. О. С. Широков.....	291
ДОЙТИ ДО ЯЗЫКА АДАМА. С. А. Старостин.....	297
ОБ ОТЦЕ. М. А. Алпатов.....	323
О МАТЕРИ. З. В. Удальцова.....	345
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	363

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга не соблюдает «чистоту жанра». Она совмещает в себе научный и научно-популярный подход, рассказ о научных идеях, биографический анализ и элементы мемуаров. Автор книги уже много лет занимается историей отечественной науки XX в., постепенно расширяя рамки исследований: сначала история японского языкознания, потом изучение языкознания вообще, наконец, и история развития ряда других гуманитарных дисциплин. А история науки включает в себя, по крайней мере, два компонента: историю идей и историю людей. Можно, разумеется, ограничиваться исключительно историей идей (сейчас это применительно к лингвистике стали называть лингвистической эпистемологией) и полностью отвлекаться от истории людей. И я так поступал и буду поступать во многих своих публикациях. Однако, занимаясь историей науки, сталкиваешься с тем, что те или иные идеи и концепции выдвигали интересные люди с яркими судьбами. И, бывало, хотелось поделиться с читателем малоизвестными фактами их биографий, а в ходе работы не раз всплывали совершенно новые сведения, в том числе архивные. А в советской науке XX в., особенно его первой половины, пожалуй, как ни в какой другой, трудно отделить историю идей в чистом виде от обстоятельств, в которых эти идеи вырабатывались и провозглашались. Традиционная биография ученого бедна внешними событиями: тогда-то родился и умер, там-то учился, там-то работал, то-то опубликовал, но редко так получалось в годы революций, войн, коренной ломки общественных отношений. В судьбах многих моих героев бывали и взлеты, и падения. Но даже если событийная сторона жизни была более или менее спокойной, что во второй половине века стало нормой, то могло быть немало внутренних сложностей: многим приходилось проходить через переоценку ценностей, непризнание и непонимание со стороны окружающих и многое другое. А многие концепции вообще неотделимы от личности их автора; яркий пример — Н. Я. Марр.

В биографиях многих моих «героев» отразилось сложное и интересное время их жизни. Они нередко дают представление не только об истории тех научных дисциплин, которыми они занимались, но и обо всей истории нашей страны за последнее столетие. Я, разумеется, не ставил себе задачу написать сколько-нибудь связный исторический очерк, но, как мне представляется, кое-какую информацию эти судьбы могут давать. Безусловно, в моих оценках немало субъективного, но

мне очень хотелось бы отойти от старых и новых стереотипов в оценках многих исторических событий.

Моя научная жизнь сложилась так, что я по образованию и основным занятиям — языковед (или, что то же самое, лингвист), но после окончания МГУ более сорока лет работаю в академическом Институте востоковедения, где страны Азии и Северной Африки изучают не только в лингвистическом аспекте, но и в историческом, культуроведческом, политологическом, экономическом и т. д. Можно ли считать востоковедение единой наукой? Это спорно, но общее в разноплановых исследованиях той или иной страны Востока (скажем, Японии) все же есть, а наше классическое востоковедение, последних представителей которого (например, Н. И. Конрада) я еще застал, занималось своими странами и народами во всех аспектах. Поэтому меня с давнего времени интересовали и история лингвистики, и история востоковедения (в состав которого традиционно входит и восточное языкознание), а среди персонажей книги присутствуют и чистые лингвисты, не все из которых занимались восточными языками, и востоковеды, независимо от того, занимались ли они специально языками или нет. Были и ученые, одновременно работавшие и как лингвисты широкого профиля, и как востоковеды (Н. Я. Марр, Е. Д. Поливанов). Кроме того, некоторые из рассматриваемых здесь ученых могли заниматься и другими вопросами: публикациями памятников, литературой, этнографией и др. Все это тоже как-то здесь учитывается. Я не стремился охватить в очерках всех наиболее крупных отечественных ученых, мой отбор персонажей иногда случаен, а их вклад в науку неравноценен, но мне каждый из моих «героев» представлялся хоть чем-то интересным.

Среди персонажей моих очерков есть немало людей, наследием и биографией которых я занимался, но которых никогда не мог видеть, поскольку они умерли еще до моего рождения. Однако некоторых ученых и организаторов науки я знал: одних по филологическому факультету МГУ, где я учился, а позже стал по совместительству преподавать, других по Институту востоковедения. Какими-то из своих воспоминаний мне хотелось бы поделиться, хотя среди моих очерков вряд ли хотя бы один можно назвать мемуарами в чистом виде. Кроме того, я решил рассказать и о своих родителях, которые тоже работали в советских гуманитарных науках. Они, правда, не были ни лингвистами, ни востоковедами в традиционном для нашей страны понимании; они были историками. Но я, сам не будучи историком, включил и их в свою галерею.

О большинстве своих «героев» я уже не раз писал и публиковал статьи, а иногда и книги. Но эти публикации, как правило, были рассчитаны на читателя-профессионала. А мне хочется рассказать о них и более широкому читателю. Поэтому я сознательно отказался от научного аппарата, от систематической библиографии (источники приводимых в книге цитат можно найти в других моих публикациях), значительно упрощаю изложение научных концепций своих персонажей. Однако я не счел возможным ограничиваться только биографическим

и мемуарным материалом. Важно было и показать вклад моих «героев» в науку, поэтому я старался как-то рассмотреть и их научные взгляды, пусть упрощенно.

В качестве первого варианта данной монографии я могу рассматривать небольшую книгу «Москва лингвистическая», изданную в 2001 г. издательством Института иностранных языков. В нее были включены очерки о ряде лингвистов, про девять из которых рассказывается и здесь. Однако здесь все эти очерки значительно переработаны и расширены.

Об ученых, здесь рассмотренных (кроме троих), ранее у меня выходили публикации. Некоторые из них послужили основой для данных очерков, но все они в ходе подготовки книги к печати подверглись той или иной правке. Далее приводится список основных публикаций. Часть из них была выполнена совместно с ныне покойным Ф. Д. Ашниным на основе архивных исследований, большей частью принадлежавших моему соавтору; однако за тексты каждой из этих публикаций я несу полную ответственность.

Н. Я. Марр:

История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 2-е изд. М.: УРСС, 2004.

Актуально ли учение Марра? // Вопросы языкознания. 2006. № 1.

Н. Я. Марр и народные этимологии // Вопросы филологии. 2009. № 1.

Д. Н. Ушаков:

Дмитрий Николаевич Ушаков — ученый и человек // Арбатский архив. П. М., 2009.

Н. Н. Дурново:

«Дело Славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. С Ф. Д. Ашниным.

Николай Николаевич Дурново // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. № 4. С Ф. Д. Ашниным.

А. М. Селищев:

«Дело Славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. С Ф. Д. Ашниным.

Е. Д. Поливанов:

Изучение японского языка в России и СССР. М.: Наука, 1988. С. 35—66.

Ищите в расстрельных списках. К 100-летию со дня рождения Е. Д. Поливанова // Азия и Африка сегодня. 1991. № 12.

Евгений Дмитриевич Поливанов // Отечественные лингвисты XX века. Ч. 2. М.: ИНИОН, 2003.

Н. И. Конрад:

Изучение японского языка в России и СССР. М.: Наука, 1988. С. 83—97.

Николай Иосифович Конрад. К 100-летию со дня рождения // Восток. 1991. № 2.

Предисловие // Николай Конрад. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996.

Академик Николай Иосифович Конрад // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. №5—6.

Николай Иосифович Конрад (1891—1970) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и Средние века. М.: Наука, 2004.

Н. А. Невский:

Изучение японского языка в России и СССР. М.: Наука, 1988. С. 77—82.

Николай Александрович Невский // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. № 6.

«Колоссальный продуктор» // Русское подвижничество. К 90-летию Д. С. Лихачева. М.: Наука, 1996.

Н. И. Конрад и Н. А. Невский:

Конрад и Невский // Российские востоковеды. Страницы памяти. М.: Муравей, 1998.

Е. Д. Поливанов, Н. И. Конрад и Н. А. Невский:

Три япониста // Знание-сила. 1992. № 1.

Н. Ф. Яковлев:

Жизнь и труды Николая Феофановича Яковлева // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994. № 4, 5. С Ф. Д. Ашниним.

Николай Феофанович Яковлев // Отечественные лингвисты XX века. Ч. 3. М.: ИНИОН, 2003.

Р. О. Шор:

Розалия Осиповна Шор // Вопросы языкознания. 2009. № 5.

В. Н. Волошинов:

Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005.

П. С. Кузнецов:

Петр Саввич Кузнецов (к 100-летию со дня рождения) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. №1.

Воспоминания о Петре Саввиче Кузнецове // Фортунатовский сборник. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

В. И. Абаев:

Предисловие // Абаев В. И. Статьи по теории и истории языкознания. М.: Наука, 2006.

В. И. Абаев — теоретик языкознания // Вопросы языкознания. 2009. № 3.

П. С. Кузнецов и В.И. Абаев:

Эпизод идейной борьбы в советской лингвистике // Ирано-Славика. 2008. № 1—2.

М. Ю. Юлдашев:

Двое из Саранска // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. № 2.

Т. П. Ломтев:

Тимофей Петрович Ломтев // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Серия 6. Отечественное языкознание. 1995. № 3.

Б. Г. Гафуров:

Мудрый руководитель и наставник // В масштабе века. Бободжан Гафурович Гафуров. М.: Посольство Республики Таджикистан, 1999. То же. Академик Бободжан Гафуров. К 100-летию со дня рождения. М.: Восточная литература, 2009.

К. А. Антонова:

О мемуарах К. А. Антоновой // К 100-летию со дня рождения К. А. Антоновой. М.: Восточная литература, 2011.

Н. А. Сыромятников:

Этот бескомпромиссный Н. А. Сыромятников // О коллегах и товарищах. Московские востоковеды 60—80-х годов. М.: Восточная литература, 1994.

М. А. Алпатов:

Об отце // История и историки. 2004. Историографический вестник. М.: Наука, 2005.

З. В. Удальцова:

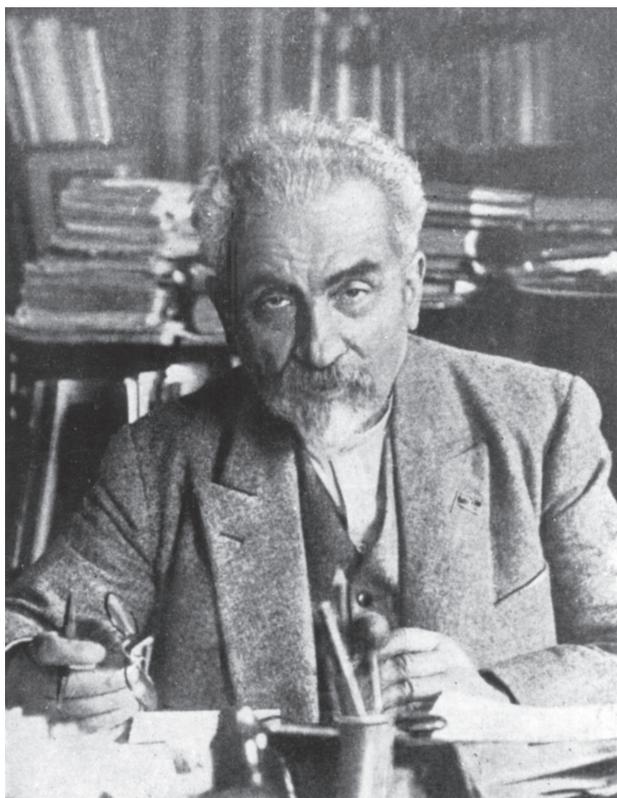
Член-корреспондент АН СССР Зинаида Владимировна Удальцова (1918—1987) // Новая и новейшая история. 2008. № 6.

Удальцова Зинаида Владимировна (1918—1887) // Портреты историков. Том 5. Средние века. Новая и новейшая история. М.: Наука, 2010.

О ряде рассматриваемых ученых см. также публикацию:
Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 1 (53).
Очерки, за исключением двух последних, расположены в порядке дат рождения их персонажей.

ГРОМОВЕРЖЕЦ

(Н. Я. Марр)

Имя академика Николая Яковлевича Марра (1864/1865—1934) я узнал в очень раннем детстве, когда мне еще не было и четырех лет. Меня иногда водили в дом тетки моей матери, скульптора З. Д. Клобуковой. В огромной коммунальной квартире с высоченными потолками в центре Москвы, переделанной из парадных залов барского дома Горчаковых, большую комнату занимала ее мастерская. Она вся была уставлена скульптурами, казавшимися ребенку громадными. Помню, как Зинаида Дмитриевна показывала их мне и рассказывала, кто есть кто. И был там мрачный бородатый человек, рядом с которым стояла скульптура солдата, про них было сказано: «Это академик Марр, это красноармеец. Они у меня разговаривают». Много позже я узнал, что Клобукова была знакома с Марром, лепила его с натуры, но когда я заинтересовался этой личностью, ее уже не было на свете.

Прошел год, и помню лето, дачу в Кратове и поселковый радиорепродуктор, из которого разносилась статья И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Мне в пять лет запомнились из нее лишь два неоднократно повторявшихся слова «базис» и «надстройка». Но стало ясно, что академик Марр — вовсе не такой хороший человек, каким представляла его сестра моей бабушки. Впрочем, скульптура продолжала стоять в мастерской еще много лет, но, увы, после смерти Зинаиды Дмитриевны в 1968 г. родственники продали ее вместе с другими оставшимися скульптурами неизвестно куда, и следы ее затерялись.

Когда я начал учиться лингвистике, то узнал, что и после разоблачения «культы личности» учение Марра не признали. В нашем обучении он почти не присутствовал (только в курсе истории лингвистики В. А. Звегинцев его упоминал, но отзывался о нем резко). Зато помню, как на научном студенческом обществе студент старшего курса Сергей Кузнецов (ставший впоследствии известным лингвистом) рискнул выступить с докладом о Марре, что по тем временам (1966 г.) выглядело экзотикой. Впрочем, он мало что сумел сказать в защиту академика, кроме общих слов о том, что тот подходил к своему предмету комплексно и совмещал в себе лингвиста, археолога и историка.

И потом Марр был для меня где-то далеко, пока не грянула перестройка. Все, связанное с главным критиком Марра, вдруг стало сверхактуальным, начались становившиеся все более злыми его разоблачения. Это вызывало (не у лингвистов, а у философов и особенно писателей и журналистов) сочувствие к любым его «жертвам», и к Марру тоже. Пошли публикации, авторы которых иногда даже не знали, что академика критиковали более чем через пятнадцать лет после его смерти. А я весной 1987 г. закончил большую тему и не мог сразу разобраться, чем заняться дальше. Потом у меня умерла мать, я долго был выбит из колеи. И тут в конце октября востоковед Петр Михайлович Шаститко (1923—2009) предложил мне написать в журнал «Народы Азии и Африки» статью о значении дискуссии 1950 г. для советского востоковедения. Я вдруг понял, что это то, что мне сейчас нужно.

Я начал работать в библиотеках, читать сочинения Марра, его сторонников и противников, встречаться с участниками и свидетелями тех событий (в конце 80-х их было еще много, я охватил около двух десятков людей, из которых сейчас не остался в живых никто). И тема меня захватила. Материала оказалось столько, что помимо статьи сама собой получилась книга «История одного мифа: Марр и марризм» (к сожалению, из-за неспешности издательства «Наука» книга, написанная в 1988 г., вышла лишь осенью 1991 г., уже в другую историческую эпоху, когда эффект новизны прошел). Я думал, что книгой исчерпал тему, и перешел на другие сюжеты, но оказалось, что академик меня не отпускает, к тому же неожиданно тема Марра приобрела новую актуальность, о которой я скажу в конце. И за прошедшие два десятилетия пришлось писать и о параллелях между марризмом и марксизмом, и о причинах выступления Сталина, и о методах этимологизирования Марра, и о

многом другом, полемизировать с неожиданно появившимися «неомарристами». В 2004 г. «История одного мифа» вышла вторым, дополненным изданием. А, рассказывая здесь о персоналиях советских лингвистов, нельзя пройти мимо столь мощной и яркой фигуры, ставшей с 1987 г. моим «вечным спутником».

Николай Яковлевич Марр — по выражению его ученика В. И. Абаева, «без сомнения, если не самое знаменитое, то самое “шумное” имя в истории советской науки». Его считали великим ученым, сравнивали с Коперником и Дарвином, но могли и полностью зачеркивать его вклад в науку и сожалеть о бумаге, исписанной его сочинениями. Ушли из жизни последние люди, его знавшие, но споры о нем продолжаются.

В его биографии все было необычно, начиная с происхождения. Его отец Джеймс (по другим источникам, Джекоб) Марр, шотландец-садовник, оказался заброшен судьбой в Закавказье, где в восьмидесятилетнем возрасте женился на двадцатилетней грузинке. От этого брака в Кутаиси родился Николай Яковлевич. Как он впоследствии рассказывал, у его родителей не было общего языка: отец говорил по-английски и по-русски, мать — только по-грузински. Но, безусловно, родным языком Николая Марра был грузинский (по-русски он говорил свободно, но с заметным акцентом), и детство он провел среди грузин. В Кутаисской гимназии мальчик выделялся способностями, но также и странностями поведения: однажды, поругавшись с товарищами, он положил в мешок свои книги и пошел по шпалам в Тифлис, а потом еще дважды убежал из гимназии. Как позже писал сам Марр, в те годы он увлекался идеями независимости Грузии, вдвоем с товарищем они как-то поклялись отдать за это жизнь, но, как сам добавляет, его товарищ стал директором банка, а он академиком.

Марр всю жизнь был очень честолюбив, но, выбирая профессию, не мог не учитывать, что человеку не дворянского происхождения в тогдашней России многие пути были закрыты. Из того, что было доступно, служить в банке, очевидно, не казалось интересным, духовная карьера не считалась престижной, а для какой-либо революционной борьбы в «глухое царствование» Александра III перспектив не было видно. Оставалась наука, и этот выбор оказался фатальным даже не для самого Николая Яковлевича (его карьера как раз удалась), а для отечественной науки. При больших талантах будущий академик по складу мог быть выдающимся проповедником, революционером, может быть, поэтом, но научные занятия ему были противопоказаны. Как пишет современный исследователь Я. В. Васильков, «чтение работ Марра наводит на мысль, что он вряд ли отчетливо понимал различие в принципах научного — и художественного, поэтического творчества. Подобно поэту, он не считал нужным подвергать свои интуитивные прозрения анализом фактов и логической аргументацией». И, как писал еще в 50-е гг. один из его критиков Б. В. Горнунг, «сначала следовал вывод, а потом уже изучение и исследование материала с готовой предвзятой идеей. Этому принципу, впервые

примененному в юности, Н. Я. Марр остался верен всю свою жизнь». Ученые не должны так работать.

Но, став в 1884 г. благодаря кавказской стипендии студентом восточного факультета Петербургского университета, Марр сразу же показал свои таланты. Тогда студенты на факультете учили либо один восточный язык, либо два-три языка, культурно связанные (например, иранисты кроме персидского языка учили арабский). А Марр стал учиться сразу на четырех разрядах, что не имело на факультете precedентов, и выучил все языки Ближнего Востока, там преподававшиеся. Одним из его талантов был полиглотизм. Но его подготовка имела существенный пробел. Студентов-востоковедов тогда учили в основном читать старинные рукописи, но не учили лингвистике. Исключительно развитое к тому времени сравнительно-историческое языкознание (о нем подробнее всего см. в очерке о С. А. Старостине) не преподавалось востоковедам. И Марр, в ранние годы принимавший его постулаты, просто не умел работать в этой области, в чем даже не было его вины. Но потом именно по этой причине ему было легко эти постулаты отбросить.

Окончив в 1888 г. университет, молодой ученый решил специализироваться по кавказоведению; в этой области на факультете у него не оказалось сильных конкурентов. При этом с самого начала он не ограничивался грузинской филологией, занявшись и Арменией, позже он включил в сферу интересов и другие языки и культуры Кавказа. К тому времени его национальные симпатии сменились общекавказскими (уже в годы Гражданской войны правившие в Грузии меньшевики предложили Марру стать ректором нового Тбилисского университета, он отказался, поскольку создавался чисто грузинский университет, а он настаивал на межнациональном университете с грузинским, армянским и азербайджанским факультетами). И уже в ранние годы у него были любимые идеи, которые он отстаивал, даже если они противоречили научно установленным фактам. Одной из них была идея о великом историческом прошлом кавказских народов. Другой — усвоенный с детства тезис об особой близости грузин и армян, который хотелось подкрепить доказательством родства их языков. Но сравнительно-историческое языкознание к тому времени установило, что армянский язык входит в обширную индоевропейскую семью, с грузинским же языком ясности не было, но, во всяком случае, он никак не мог считаться индоевропейским. Уже это вызвало недовольство молодого ученого.

Но пока еще Марр в основном следовал канонам своей профессии. Выдвинулся он не как языковед, а как филолог, затем как археолог (хотя в это время он написал и лучшие свои лингвистические работы, в том числе грамматику родственного грузинскому лазского языка, и сейчас ценимую специалистами). В ранний период своей деятельности он совершил несколько путешествий на Кавказ, на Афон и Синай, где изучал библиотеки православных и армяно-григорианских монастырей, найдя там ценные древнегрузинские и древнеармянские рукописи, которые издал. Видный немецкий богослов А. Гарнак после этого писал, что Марр доказал при-

надлежность грузин к «великой греко-христианской семье народов древности». Все эти памятники были церковными, сам Марр в те годы был старостой грузинской церкви в Петербурге и принимал участие как эксперт в канонических спорах. Кто мог тогда представить, что он единственным из членов Императорской академии наук вступит в партию большевиков? А как археолог Николай Яковлевич достиг еще больших успехов. В основном он раскапывал армянские памятники, прежде всего, древнюю столицу Армении Ани. В связи с этим его имя до сих пор окружено почетом в Армении (намного больше, чем в его родной Грузии).

Но и в начале XX в. Марр был популярен. Вехи его биографии уже в дореволюционные годы — неуклонный путь вверх: с 1891 г. приват-доцент, с 1899 г. магистр, с 1900 г. экстраординарный профессор, с 1902 г. доктор и ординарный профессор, с 1909 г. адъюнкт Академии наук, с 1911 г. — декан восточного факультета, с 1912 г. академик. Он быстро вошел в когорту знаменитых русских востоковедов. Позже его ученик академик И. А. Орбели скажет: «Вы знаете, что за люди были на факультете... Но... поверьте, гений был только один — Марр».

Но чем больше, тем дальше проявлялись черты сложного характера Марра. В его некрологе работавший под его руководством на факультете академик В. М. Алексеев напишет: «Это грандиозный, бурный, беспредельный темперамент... Это был вечный гейзер, не деливший своих вод на струи и назначения, — вулкан, действовавший в едином огне и сотрясавший все вокруг... При столкновении с людьми... особенно с людьми более размеренной жизни и более размеренных убеждений, не мог не причинять себе и им обид и огорчений, тем более что в окружающей действительности он вряд ли мог встретить людей, понимавших его во всех статьях». Сам Алексеев испытал этот темперамент и на себе: в 1913 г. Марр, тогда декан, запретил ему читать курс по учению Лао-Цзы, поскольку там излагалась «атомистическая теория на футуристическом языке». А сам Николай Яковлевич писал: «Я привык слушать всех, кто давал мне советы (а их так много), чтобы тем резче часто сделать совершенно противоположное». Единственным человеком, имевшим на него влияние, был его учитель, крупный востоковед барон В. Р. Розен, который уговорил его не публиковать наиболее вызывающие положения до защиты докторской диссертации, но после его смерти в 1908 г. воздействовать на вулкан стало некому.

Ситуация усугублялась негласным кодексом поведения, существовавшим в среде востоковедов: не высказываться по тематике, выходящей за пределы их узкой специализации, и тем более по языкам, досконально не изученным. А поскольку в университете крупных кавказоведов, кроме Марра, не было, то критические выступления по его адресу были невозможны. Марр заботился о своем монополизме, точнее, о монополизме своей школы: к моменту революции у него уже было немало учеников, среди них такие крупные ученые как И. А. Орбели, И. А. Джавахишвили, А. Г. Шанидзе. А чужаков он старался изгнать из кавказоведения, так, он не дал возможности продолжать занятия армянским языком видному языковеду